

К. МЕДВЕДЕВИЧ

КЛАДЕЗЬ БЕЗДНЫ

Москва
АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М42

Серия «Легион»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

В оформлении книги использованы иллюстрации
Оксаны Ветловской

Макет подготовлен редакцией АСТРЕЛЬ СПб

Медведевич, К.

М42 Кладезь бездны / К. Медведевич.— Москва: АСТ, 2014.— 507,
[2] с. (Легион).

ISBN 978-5-17-082071-9

Так бывает, что ужасы из страшных рассказов оказываются сущим пустяком по сравнению с обыденностью военного похода. Армия халифа аль-Мамуна воюет со странной сектой карматов, последователи которой проповедуют равенство, братство и скорый рай на земле. Воинов стращали нечистью и нелюдью, но все оказалось гораздо хуже: люди сталкиваются с превосходящими в числе армиями противника, трусостью военачальников, предательством братьев по оружию, голодом и... местными жителями, для которых слова «быть человеком» давно означают что-то другое. Поэтому, встретив наконец нечисть, многие вздохнут с облегчением: убивая чудовище, можно не искать оправданий. Но гражданская война — это всегда война между людьми, и в конечном счете неизбежен вопрос: все ли она спишет? И кому придется платить по счетам?

Подписано в печать 30.07.14.
Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© К. Медведевич, текст, 2014
© Оксана Ветловская, иллюстрации, обложка, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

*Автор выражает признательность
историку М. В. Нечитайлову за консультации
и неоценимую помощь в работе над книгой*

р. аль-Укаба

Ушрусан

р. Парджис

горы
Пенла

Ямалла
племя гафир

Куфа

Мариб

г. Тай

племя гатафан

племя кайс

племя бану суаль

пустыня
Большой
Нефуд

Джива

Неджд

племя укайль

племя манасир

Нахль

Ятриб

г. Туэйз

племя тамим

племя бану килаб

Джирана

Ханифа

племя
такиф

племя харб

Таиф

Медина

горы Паропанисады

горы Хиджаз

Лаон

Пролог

Храм Ве Ниэн, Айютайа

Две высоко горевшие свечи освещали золотое лицо статуи.

Богиня улыбалась — устало, чуть прикрыв глаза.

Впрочем, очерк сомкнутых полных губ виделся всякий раз по-разному. Усталым. Печальным. Горько упрекающим. Скорбным.

Милосердная смотрела на молящихся с высоты шести локтей пьедестала, чуть откинув назад голову в остроугольной короне. Скругленная раковинкой ладонь благословляла припадавших к ее ногам. Ве Ниэн — последнее прибежище отчаявшихся. В храм приходили те, чьему горю не могли помочь ни оружие, ни деньги, ни месть, ни утешения родных и друзей. И еще те, у кого не осталось иных защитников. И те, кому некуда больше было идти, — за стеной слышался мерный грохот океана. Храм стоял над обрывом, на обрыв накатывали пологие холмы ледяной воды. Такая волна встает далеко на севере и, не обращая внимания на острова, проливы, корабли и берега, катится к этому обрыву. И бьет в него — с гулкой, страшной силой, останавливающей на мгновение время. Удар сотрясает скальное основание, привычной дрожью отдает в землю под соседней деревенькой. А следом накатывает такая же льдисто-синяя, беспенная, вспухающая перед ударом волна.

Гул, грохот, шипение пены в расселинах камня.

Еще в храм приходили за безумной надеждой. От таких оставались колечки, ленточки, сережки, пояса и даже тяжелые многорядные ожерелья, какие носят во дворцах. Приношения развешивали на шнурах и лентах, перетягивающих основание пьедестала статуи.

Милосердная устало улыбалась, чуть прикрыв веки: да, да, я сделаю, что смогу. Она никогда не смотрела снисходительно, но и жалостливым ее взгляд тоже не был. Ве Ниэн знала: всякая судьба в этом мире имеет корни в деяниях прошлого. Ее сестра, Ве Фуи, ткет длинное полотно, по-сматривает, поджав губы, на переплетения нитей. Они путаные, эти нити судьбы, они бугрятся узелками, и ткань выглядит уродливой. Как деяния тех, чьи жизненные пути ложатся суровой ниткой вслед за снующим челноком богини.

Сидевший перед чашей со священной водой монах знал о деяниях и судьбах очень много — пожалуй, слишком много, иначе с чего бы Луанг Най принял постриг в храме богини милосердия.

По бокам от чаши стояли витые свечи: белый воск горел ровно и высоко, капельки длинными наростами стекали на гирлянды из гибискусов. Розовые лепестки верхних цветов уже скукожились от горячих восковых слез.

У самых колен монаха темнел деревянный поднос с разровненным песком. Начиная медитацию, Луанг Най медленно стер ладонью нарисованные на песке узоры мандалы. Над ее сложным плетением он трудился с самого утра: чертил длинной тиковой палочкой, поливал водой из чашки, увлажняя песок. Чтобы стереть символ жизни, ему потребовалось гораздо меньше времени. Разровняв рисунок, монах положил на пустой песок сложенный пополам листик.

Волны горячего воздуха от свечей и ламп чуть колыхали тонкую рисовую бумагу, и она подрагивала, словно готовясь вспорхнуть.

Настоятель Луанг Най перебирал четки и мерно читал священные тексты, не отпуская глазами сложенный листок. Крупно выписанные иероглифы едва просвечивали

сквозь тончайшую бумагу, но Луанг Наю не нужно было смотреть на буквы, чтобы знать, что там.

Королевский каллиграф написал на нем ежегодно отправляемую в храм Ве Ниэн молитву об упокоении души госпожи Варачонг и ее малолетнего сына, короля Чао.

Листок принесли сегодня вместе с обычными подношениями, которые двор сорок шесть лет подряд высылал в пятый день месяца тигра: каллиграфически переписанные священные свитки, музыкальные инструменты и мешки риса.

Все сорок шесть лет, каждый год в пятый день тигра на двор храма привозили из дворца эти дары и листок с именами женщины и мальчика.

Потому что сорок шесть лет назад у ограды храма вырыли большую прямоугольную яму и расстелили ковер малинового королевского цвета. Сначала на этот ковер посадили короля Чао, которому едва исполнилось пять лет. Мальчик плакал и говорил, что хочет домой, и все теребил широкую золотую королевскую перевязь на пыльном голеньком животе. Собравшиеся вокруг крестьяне и жители столицы лежали ниц, припав лицами к земле. День стоял пасмурный и ветреный, пальмы трепало под пыльным ветром, и малиновый шелк на спинах придворных дам гляделся серой грязной тряпкой. Дядя короля Чао, сидевший на галерее храма прямо в доспехе, — он взял королевский дворец приступом буквально утром — позволил госпоже Варачонг успокоить малыша. Та протянула руку и сказала: «Не бойся, мой маленький, мама с тобой». Потом всхлипывающего мальчика накрыли алым шелком, наклонили к лежавшему перед ковром стволу дерева и отсекли голову церемониальным мечом.

Госпожа Варачонг ступила на ковер следом. От шелкового покрывала она отказалась.

Листик вдруг всколыхнулся особенно сильно. В скалу под храмом снова ударил плечом океан. За тяжелой кладкой стены посвистывало и шелестело пеной и ветром.

Прислушавшись к шелесту, Луанг Най взял с расстеленной у колен циновки жезл с длинной красной кисточкой.

Встряхнул раз, другой, не прекращая распевно читать Изумрудную сутру. Листок успокоился.

Золотые львы у стен зала сидели неподвижно, тупо раскрыв слепые выпуклые глаза.

Настоятелю оставалось прочесть меньше трети свитка, как за дверями раздался стук. Как всегда, глухой и вместе с тем остро врывающийся в слух. Как будто костью ударили о кость.

Один из сидевших за спиной Луанг Ная послушников всхлипнул.

Кости громко клацнули снова.

Повысив голос, — мерный речитатив тут же загулял по храму гулким эхом — монах поднял жезл и принялся встряхивать его в такт с распевом. Лицо Луанг Ная оставалось безмятежно-спокойным. Только костяшки пальцев, стиснувшие четки, побелели.

Пятеро монахов и трое послушников, сидевших за его спиной, знали, что может увидеть путешественник, волею злой судьбы оказавшийся у дверей храма. Они и сами видели это: иногда тени под высокими стрелками надгробий начинали шевелиться задолго до заката, задолго до того, как тяжелые створы захлопывались и задвигались изнутри заставом. И заклеивались длинными полосами бумаги, сплошь исписанными сутрами.

На храмовом кладбище лежали многие поколения королей Айютайа, их жен, детей, родичей и родичей их родичей. В том числе и семья Луанг Ная — он не пропускал поминальные дни и часто приходил в заплетшийся мангровыми ветвями уголок кладбищенского сада. Надгробия короля Чао и его матери днем терялись среди гранитных стел. Ближе к вечеру каменный столбик с конусовидной шляпкой наверху начинал странно темнеть и двоиться в глазах. На закате второе зрение уже видело сидящего с прямой спиной мальчика. А с наступлением темноты от столбика повыше гибкой тенью отделялась госпожа Варачонг. И принималась прогуливаться среди частокола надгробий, рассеянно трогая белесой рукой наверху памятников.

Ну а в ночь пятого дня месяца тигра госпожа Варачонг брала мальчика за руку и шла к дверям храма.

Клац. Клац. Словно сторож отбивает колотушкой стражу. За сплошными, лишенными окон, стенами храма крепчал ветер. Неведомо откуда залетевшие сквозняки затрепали, задергали крылышко лежавшего на песке листка.

Луанг Най заговорил громче. Ветер грохнул тяжеленными створами дверей, скрипнул деревом и скобами. Тоненький треск рвущейся бумаги потерялся в гуле накатывающих волн.

Настоятель снова повысил голос. Теперь он почти кричал: отрывисто, повелительно, выкликавая имя за именем властителей небесных войск, тех, кто царствовал и упокоился на Золотой горе.

В щелях скрипящей, словно негодная доска, двери свистело. За вздрагивающими створами выло.

Покрытые испариной послушники украдкой поглядывали через плечо: из девяти бумажных лент с сутрами держались две.

Безо всякого дуновения листок медленно поднялся над песком на высоту двух ладоней. Луанг Най властно махнул в его сторону жезлом и выкрикнул имя Учителя Фо. Листок упрямо задрожал на той же высоте.

И тут по храму прокатился тягучий долгий звон — с левой колонны обвалился и покатился по каменному полу медный гонг.

А снаружи донеслись залиvistый свист и злобные жадные вопли. И drobный топот копыт десятков коней.

Листок, подрожав чуть-чуть в сладострастной злобе, медленно, удовлетворенно опустился на песок и затих там невинной бумажкой.

Луанг Най вздохнул и отложил бесполезный жезл. Снаружи орали и звенели оружием какие-то вооруженные — люди? Сумеречник удивленно обернулся к остальным:

— Это действительно люди, наставник,— тихо сказал подкравшийся к дверям Джин-хо.

Его голые лопатки блестели от пота, намотанная под ними желтая ткань мокро темнела — послушника еще не отпустила дрожь пережитого ужаса. Непонятные налетчики громко орали во дворе храма, в щели между створами метался свет факелов.

В двери ударили чем-то огромным и тяжелым, Джин-хо шарахнулся.

Луанг Най снова посмотрел на листок. Тот не подавал признаков жизни — беленькая, сложенная пополам записка на дорогой бумаге.

Грохнуло снова, двери угрожающе заскрипели.

— Ну что ж вы так, тетушка, — осуждающе пробормотал монах. — Разве можно приводить на семейное кладбище такое отребье. Мало того что разбойники, так еще и люди...

В створы явно били тараном — щель расширилась, разорванные и обвисшие ленточки сутр бессильно дрыгались с каждым мощным ударом. Джин-хо отошел к стене и выжидательно поглядывал то на наставника, то на жалующуюся во все скрепы дверь. Снаружи хохотали и возбужденно орали, ржали десятки лошадей.

— Мерзавцы, — тихо сказал Луанг Най.

Таран ударил еще раз, и на каменный пол полетели щепы.

До сей поры ни один разбойник не осмеливался осквернить святилище Ве Ниэн — из почтения к праву убежища, которым те же разбойники охотно пользовались. Но вот люди... Людей храм видел впервые.

Граница с айсенами — длинная полоса белого, заваленного гниющими водорослями песка вдоль высокой скальной стены — тянулась с севера на юг и оканчивалась в двух йоутах отсюда, у самой рыбацкой деревни. С севера по песку мало кто приходил: люди боялись приливов, по высокой воде море подступало к самым скалам. Утонуть сложно, но можно, а айсены не очень-то любили воду и плавать. А тут целая толпа, верхами и вооруженная...

Дверь вспучивалась под ударами, остро торча щепками, как переломанными костями. Брус засова гнулся, но держался.

Луанг Най поманил восьмерых служителей и отступил к стене под высоким барельефом с небесными полководцами и высунувшими языки тиграми. Потом приложил ребро ладони ко лбу, выдохнул — и отсек от себя пространство резким ударом.

Поэтому те, кто вышиб из прогнувшихся скоб засов и пролез в раскуроченные двери, не увидели в храме ни души.

Настоятель, поджав тонкие губы, шурил желтые глаза и пощипывал мочку острого уха: айсены лезли, как тараканы, скрипя, как хитином, кожей панцирей. Жадно, разевая мокрые, заросшие черным волосом рты, таращились на мерцающую внутренность освещенного золотом по золоту храма. Цокали языками и тыкали толстыми грязными пальцами в расписанный драконами потолок. Топали и гремели по полированному полу набойками пыльных сапожищ. Дергали себя за жесткие, как пакля, бороды, скалили зубы и пихались локтями, довольно погогатывая. От них пахло лошадью и застарелым потом — аромат курильниц перешибала вонь давно не мытых тел.

Но ничего не трогали — почему-то. Ни золотых львов вдоль стен. Ни курильниц в виде высокой, как ступенчатая башня храма, короны — тоже золотых. Только реготали, тыкали пальцами и таращились.

Скрипя просевшими досками по камню, растворили пошире дверь.

И, пощелкивая плетью, погнали внутрь вереницу связанных крестьян: женщины визжали, дергая спутанными запястьями, мужчины упирались босыми пятками, крутя за спиной вывернутыми локтями. Здоровенные, на голову выше любого айютайца, люди пихали пленников, подхлестывая обнаженные спины и раздавая подзатыльники.

Нехорошее предчувствие, одолевавшее Луанг Ная еще с полудня, сгустилось в уверенность и переросло в мрачное ожидание. Он не мог понять одного: зачем? Зачем они хотят это сделать?

Первой на колени перед статуей поставили вдову Цао — Луанг Най узнал ее по широкой выносливой спине и длинным серьгам в оттянутых ушах. Не зря он прошлой весной предсказал ей смерть от железа. Женщина почему-то очень боялась утонуть в приливной волне тайфуна, но настоятель подарил ей несомненную уверенность в том, что она не захлебнется в соленой воде.

Ухватив женщину за узел волос на затылке, человек отогнул ей голову так, что бедняжка захрипела, хватая ртом воздух. И глубоко взрезал выгнувшуюся под кожей гортань. Кровь запылила высоким шумным веером. Цепочки и колечки на пьедестале потекли красным.

Крестьяне голосили и бесполезно рвались в путах. Айсены резали очередное горло, а потом складывали дрожащие в агонии тела в промокшую, торчащую босыми ступнями кучу. Жители деревни уходили один за другим, трупы наваливали третьим слоем, размотавшиеся черные волосы и тряпки подтекали красным на каменные плиты.

Золотое лицо Милосердной безжизненно затвердело под алой моросью. Оскальзывающиеся в лужах айсены деловито хмурились, примериваясь лезвиями к шеям плачущих крестьян. Подвернутые ноги сидящей богини стали темными от крови. Настала очередь молодого Вьена — еще одно вскрытое горло плеснуло упругой длинной струей на колени статуи.

В руках айсенов еще хрипела вдова Сой — плохая судьба у этой семьи, уже в трех поколениях плохая, зря он одобрил помолвку их дочери с кузнецом из столичного предместья, злая удача может перейти к семейству Ва и погубить детей — как в зал проникло нечто, заставившее замерзнуть босые ступни Луанг Ная.

Монахи и послушники за его спиной с шумом втянули в себя воздух. Настоятель мог бы испугаться — завесу невидимости рвут любое неосторожное движение или звук. Но не испугался.

Он просто ооченел от ужаса.

Луанг Най потом вспоминал, что в тот миг забыл, как дышать: в раскрытые двери храма влилась Сила. Светящийся шар, распираемый изнутри потусторонней жутью и мощью. В белесом мерцании этой мерзости айсены один за другим теряли человеческий облик, прорастая петушиными головами и склизко блестящими клубками змей внутри грудной клетки.

Истекающий гниlostным светом шар подплыл к безобразной груде мертвых тел. Подрожал над ней — плотоядно,

как наставленный член готового к совокуплению жеребца. А потом вспыхнул, мгновенным, моментальным движением метнулся к статуе — и с чваканьем втянулся внутрь прямо в том месте, где на груди богини выгравировано было широкое, царственное ожерелье.

Из рассказов о деяниях правителей и хроник:

В 485 году аята халиф аль-Амин разбудил Тарика аль-Мансура ради борьбы с карматами.

В том же году эмир верующих приказал заложить верфи и строить флот, дабы переправить войска в земли еретиков. Карматы же укрепились в аль-Ахсе и совершали дерзкие набеги на земли халифата.

Всевышнему было угодно, чтобы между аль-Амином, сидевшем на золотом престоле халифов, и его братом аль-Мамунем случилась размолвка, и сказанные между ними резкие слова обратились во вражду, и в государстве началась смута.

Аль-Мамун двинул свои войска на столицу, и Всевышний судил так, что во время осады города аль-Амин погиб вместе с харимом. Жители Мадинат-аль-Заура приветствовали нового халифа и вышли к нему в цветах его дома, а Ситт-Зубейда, мать покойного властителя, сказала: «Я потеряла одного сына, а с аль-Мамунем приобрела другого». Все, испросившие прощения, получили его, и старые распри были позабыты.

Осенью 488 года аята еретики-карматы, подобные шакалам пустыни, набросились на святой город Медину. Многие приняли венец мучеников в страшное время осады, и лишь приход войск сиятельного принца Ибрахима аль-Махди уберег жителей от мучительной смерти под мечами налетчиков.

Зимой 489 года окончены были труды по строительству флота, и в Басру прибыл халиф аль-Мамун со свитой. Туда же стекались войска, созданные эмиром верующих ради священного похода против карматов, туда стремились воины-гази.

Что же до судьбы Тарика, то достоверно известно, что в царствование аль-Амина он попал в опалу и был отстранен от командования. Многие ученые мужи также утверждают, что и в глазах нового халифа аль-Мансур не нашел благоволения и долгое время пребывал в немилости. Рассказывают, что эмир

